

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.63

Дата поступления: 11.04.2021
рецензирования: 18.05.2021
принятия: 25.05.2021

Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания

Т. В. Кленова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена институту уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности. С использованием исторического метода рассматриваются этапы развития этого института и особенности охраны чести и достоинства личности с точки зрения ценностей современного демократического государства. Автор анализирует влияние явных и неявных целей уголовной политики на способы защиты чести и достоинства личности. Особое внимание уделяет целям криминализации и декриминализации клеветы и оскорбления. Исследование направлено на выявление проблем целеполагания при переменах в институте уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство, когда соответствующие уголовно-правовые нормы замещаются административно-правовыми нормами. Автор стремится деполитизировать вопросы защиты личного права на защиту чести и достоинства на основе принципа равенства граждан перед законом. Действующее российское уголовное законодательство в основном направлено на защиту чести и достоинства лиц в связи с их социальными принадлежностями. В рамках охранительной концепции уголовного права автор статьи обосновывает вывод о гарантировании права любого человека, пострадавшего от клеветы или оскорбления, на достижение истины и государственное порицание виновного. Такой взгляд будет интересен также исследователям уголовного процесса.

Ключевые слова: охранительные уголовно-правовые отношения; институт уголовного права; цели криминализации; цели декриминализации; преступления против чести и достоинства; клевета; оскорбление.

Цитирование. Кленова Т. В. Трудный путь института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности, или проблемы целеполагания // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кленова Т.В., 2021

Кленова Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.04.2021
Revised: 18.05.2021
Accepted: 25.05.2021

Difficult way of the institution of criminal liability for attacks on the honor and dignity of the person, or problems of targeting

T. V. Klenova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: klenova_tatiana@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the institution of criminal liability for attacks on the honor and dignity of the individual. The article, using the historical method, examines the stages of development of this institution and the features of protecting the honor and dignity of the individual from the point of view of the values of a modern democratic state. The author analyses the impact of explicit and implicit criminal policy objectives on the ways to protect the honor and dignity of the individual. Particular attention is paid to the criminalization and decriminalization of libel and slander. The research is aimed at identifying the problems of targeting in changes in the institution of criminal liability for attacks on honor and dignity, when the relevant criminal law norms are replaced by administrative law norms. The author seeks to depoliticize the protection of the personal right to honor and dignity on the basis of the principle of equality of citizens before the law. The current Russian criminal legislation is mainly aimed at protecting the honor and dignity of persons in connection with their social accessories. Within the protective concept of criminal law, the author of the article justifies

the conclusion that the right of anyone who has suffered from slander or insult to achieve the truth and state censure of the perpetrator is guaranteed. Such a view will also be interesting to researchers of the criminal process.

Key words: protective criminal law relations; institution of criminal law; goals of criminalization; goals of decriminalization; crimes against honor and dignity; slander; insult.

Citation. Klenova T. V. *Trudnyi put' instituta ugovnoy otvetstvennosti za posyagatel'stva na chest' i dostoinstvo lichnosti, ili problemy tselepolaganiya* [Difficult way of the institution of criminal liability for attacks on the honor and dignity of the person, or problems of targeting]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 2, pp. 48–56. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-2-48-56> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Klenova T. V., 2021

Tatiana Klenova – Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Соотношение между фактическим результатом действия закрепленных в уголовном законе институтов и норм и их декларированными социальными целями зависит от того, правильно ли были оценены функциональные возможности соответствующих институтов и норм, и главное – не были ли беспочвенными, в том числе популистскими и конъюнктурными, законотворческие решения.

В соответствии с частью 1 статьи 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (*далее – УК РФ*) задачами уголовного закона являются охрана важных социальных ценностей и общественных отношений от преступных посягательств и предупреждение преступлений. Первая из поставленных здесь задач отличается высокой социальной значимостью и крупномасштабностью, не теряет актуальности с течением времени, что позволяет судить о ней как о цели уголовного права. Генеральный характер цели охраны подтверждается при соотношении с задачей предупреждения преступлений, выполнение которой определяется по результатам регулирующего воздействия уголовного закона не в целом на общественные отношения, а на человека. Предупредительная задача не имеет ярко выраженного отраслевого своеобразия в уголовном праве. Дух этой отрасли права отражают не превентивные, а охранительные уголовно-правовые отношения, связанные с уголовной ответственностью виновного. Соответствующие отношения возникают, как раз когда задача предупреждения преступления не выполнена и лицо совершило преступление. Непосредственными целями охранительных отношений являются порицание лица, виновного в совершении преступления, его принуждение к правомерному поведению и в целом демотивация к совершению нового преступления, а также обеспечение законных интересов потерпевших. Как итог уголовно-правовая охрана предполагает реальное гарантирование законных прав и интересов личности, общества и государства, обеспечение правопорядка и нормализацию общественных отношений.

Хотя в УК РФ его цели прямо не определены, зато о целях говорится в связи с уголовным наказанием. Предупреждение совершения преступлений, определенное в ст. 2 не более как задачей Уголовного кодекса Российской Федерации, в ст. 43 признается целью наказания наряду с целями восстановления социальной справедливости

и исправления преступника. В то же время эти характеристики наказания, названные в законе его целями, непосредственно не соотнесены с легальной дефиницией задач уголовного закона. Охранительная функция наказания здесь не учитывается. Обычно она обсуждается научными исследователями в связи с концепцией наказания как кары для лиц, виновных в совершении преступлений, не востребованной в действующем уголовном законодательстве. Не всегда и не всеми, но об обеспечении законных интересов потерпевших говорится при трактовке такой цели наказания, названной в УК РФ, как восстановление социальной справедливости, то есть не в связи с охранительной или предупредительной функциями.

Нам же представляется, что цель охраны общественных отношений – это не атрибут отдельной концепции наказания, а универсальный социальный критерий оценки эффективности уголовного права. Определяя основания и перспективы развития институтов и норм уголовного права, и в законодательном процессе, и в правоприменительной деятельности необходимо учитывать доминанту охранительной цели, при этом соотносить ее ближайшие составляющие (порицание лица, виновного в совершении преступления, его принуждение к правомерному поведению и в целом демотивацию к совершению нового преступления, а также обеспечение законных интересов потерпевших) и отдаленные результаты (реальное гарантирование законных прав и интересов личности, общества и государства, обеспечение правопорядка и нормализацию общественных отношений).

С точки зрения охранительной цели должны освещаться факты не только криминализационного, но и декриминализационного процессов. Важно понять, когда декриминализация объективна и связана с функциональной неспособностью определенных институтов и норм уголовного права служить необходимыми средствами достижения охранительной цели уголовного права, а когда спровоцирована неэффективными решениями.

Особый интерес для исследования в заданном направлении вызывает институт уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности, и поскольку это очевидный пример исчезающего института уголовного права, и потому что декриминализация его основных преступлений диссонирует с высокими гаранти-

ями личного права на защиту чести и достоинства.

Так, Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятая на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1997 г. и одобренная Генеральной Ассамблеей ООН в 1998 г., подчеркивает необходимость рассмотрения новых проблем защиты генома человека в свете приоритета личного права на защиту достоинства: «Каждый человек имеет право на уважение его достоинства и его прав, вне зависимости от его генетических характеристик. Такое достоинство непреложно означает, что личность человека не сводится к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости».

В Конституции РФ утверждается: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ч. 1 ст. 21). При этом ценность достоинства личности подтверждена запретами: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам» (ч. 2 ст. 21). В ч. 1 ст. 23 гарантировано личное право на защиту своей чести и доброго имени. Одновременно в ч. 1 и 3 ст. 29 провозглашены, соответственно, свобода мысли и слова и запрет принуждать кого бы то ни было к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Это означает, что человек свободен в оценках другого человека и его поступков, но в публичное поле не могут выноситься сведения, во-первых, ложные, во-вторых, порочащие.

Гарантированность конституционных положений предполагает такую их обеспеченность в отраслевом законодательстве, которой достаточно для результативной реализации. Действующее уголовное законодательство не отвечает настоящему запросу, и право на защиту чести и достоинства личности сегодня не имеет достаточной государственной защищенности; защита чести и достоинства стала в основном личной проблемой, которая часто не решается, даже если человек обращается за помощью к государству.

На основе Конституции РФ в УК РФ установлена уголовная ответственность за посягательство на достоинство человека (ст. 128¹) во взаимосвязи с преступлениями против свободы (ст. 126, 127, 127¹, 127² и 128). Соответственно, эти классификационные группы преступлений объединены в гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» УК РФ, хотя имеют существенные отличия по видам основных объектов. Обычной законодательской практикой в России является систематизация преступлений в кодифицированном уголовном законе с их закреплением в отдельных главах Особенной части, исходя из различий в объектах преступлений. В данном случае этого не произошло, может быть, из-за многочисленности статей о преступлениях против чести

и достоинства человека. В УК РФ, по состоянию на время принятия их было две (ст. 129 «Клевета», ст. 130 «Оскорбление»), в настоящее время – одна (ст. 128¹ «Клевета»).

А вот конституционный запрет на медицинские, научные или иные опыты над человеком без его добровольного согласия до сих пор не имеет уголовно-правового обеспечения.

Вопреки конституционному принципу равенства граждан перед законом в УК РФ в основном обеспечивается право на защиту чести и достоинства представителей отдельных социальных групп и государственных органов и должностных лиц, то есть в связи с социальными принадлежностями. Как следствие, нормы об уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности главным образом размещены в других главах УК РФ. Это нормы об уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих (ст. 148 в гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина»); унижение человеческого достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (ст. 282 в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»); оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а также участников судебного разбирательства (ст. 297 в гл. 31 «Преступления против правосудия»); клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298¹ – там же); оскорбление представителя власти (ст. 319 в гл. 32 «Преступления против порядка управления»); оскорбление военнослужащего (ст. 336 в гл. 33 «Преступления против военной службы»).

Многочисленность специальных составов посягательств на честь и достоинство при дефиците общих соответствующих составов может означать, что государственная власть недостаточно обеспечивает защиту чести и достоинства любого человека от преступных посягательств безотносительно к его социальным принадлежностям. Как принижение значения института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство человека может трактоваться также сама его незакрепленность в отдельной главе УК РФ. Преступления против свободы, чести и достоинства объединены в гл. 17 УК РФ, хотя личные права на свободу и достоинство не повторяются одно в другом и должны признаваться самостоятельными видовыми объектами преступлений, а совокупности норм, запрещающих посягательства на свободу и честь и достоинство, – самостоятельными институтами уголовного права. М. С. Жук правильно пишет, что «институт ответственности за преступления против свободы» и «институт ответственности за преступления про-

тив чести и достоинства» необоснованно объединены в гл. 17 УК РФ и, пока не получают оформления в качестве отдельных структурных единиц (глав), не будут иметь развитого, законченного вида [1, с. 137].

Согласно рекомендации А. С. Горелика, ввиду существенных различий между свободой личности и ее честью и достоинством, не позволяющих дать единую общую характеристику соответствующих групп преступлений, целесообразно определять каждую из них отдельно, как это уже было сделано этим автором в Полном курсе уголовного права (издан в 2008 г. в Санкт-Петербурге в издательстве «Юридический центр Пресс») [2, с. 406].

В российском уголовном праве есть опыт структурного обособления института уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности. Такой сформированный характер этот институт уголовного права приобрел во второй половине XIX века. При этом соответствующая группа преступлений называлась без использования слова «достоинство» – с аргументацией, что честь субъективная (достоинство) недоступна для оскорбления, а разрушается только самооценкой лицом своих поступков, неуважением к самому себе [3, с. 120–121]. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. преступления против чести были определены в главе шестой «Об оскорблениях чести» в рамках раздела десятого «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» (ст. 1998–2024). Видовым объектом преступлений признавалась честь, рассматриваемая с внешней стороны, то есть как право на уважительное отношение со стороны других лиц, общества и государства.

Организованность института доказывается и существенными характеристиками: определенностью отраслевой задачи (уголовно-правовая охрана чести) и применением особенного способа уголовно-правового регулирования. Последнее подтверждается тем, что наряду с традиционными наказаниями за преступное оскорбление чести предусматривались обязанности испросить прощения и возместить ущерб («уплата бесчестия за обиду») непосредственно обиженному с его согласия. Также преступления, определенные в главе шестой, объединяло правило о том, что все уголовные дела об этих преступлениях возбуждались по жалобам самих обиженных или их законных представителей [4, с. 153].

В 1864 г. многие преступления, отнесенные к оскорблениям чести, были перенесены из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, хотя превышали предполагающуюся компетенцию мирового судьи. Аргументировалось это решение тем, что производство по соответствующим уголовным делам начиналось не иначе как по жалобам обиженных и могло прекращаться примирением. Особенностью института ответственности за преступления против чести в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, было

его дополнение специальной нормой об освобождении от наказания. В соответствии со ст. 138 за преступления, выраженные в оскорблении чести (ст. 130–137), наказание не назначалось: «1. Когда сам обиженный нанес обидчику равную или более тяжкую обиду; 2. Если обиженный требует рассмотрения дела в гражданском порядке».

Интересно, что применялись разные подходы к определению субъектного состава оскорбления и клеветы. Так, не ставился вопрос о наказании одного супруга за оскорбление другого супруга, за исключением случаев, когда обида была нанесена в публичном месте или с нарушением тишины и порядка. А вот нормы о клевете могли применяться к любому из супругов на общем основании. Кассационный департамент Сената разъяснил: «Клевета незаслуженно лишает доброго имени, которое не составляет, подобно семейной чести, общего достояния обоих супругов, и потерпевшему от клеветы не может быть отказано в праве возратить себе это имя и восстановить истину лишь потому, что клеветником был супруг; эта цель весьма нередко может быть достигнута только в суде. Предоставление супругу такого права особенно важно потому, что брачные связи могут прекратиться или вследствие развода, или вследствие смерти супруга-клеветника, и, следовательно, только в суде потерпевший будет избавлен от необходимости переносить все тяжелые последствия клеветы далеко после того момента, как с клеветником были порваны всякие близкие связи» [5, с. 306–307].

В советском уголовном законодательстве к исследуемым преступлениям было проявлено меньше интереса. При определении объекта преступлений фокус внимания законодателей сместился. Понятие «преступления против чести» исчезло, а вместо него было использовано понятие «преступления против достоинства личности». Возможен вывод, что в советском уголовном праве к достоинству личности было отношение некоторого принижения как к субъективной ценности (субъективной чести), но не существенному личному праву человека или общественному благу. Целью уголовной ответственности в случаях оскорбления и клеветы здесь определялась не защита права человека на уважительное отношение со стороны других лиц и общества или восстановление истины, а исправление и перевоспитание виновного для целей социалистического общежития. Представляется, что изменение акцентов при определении объекта преступлений было обусловлено нацеленностью всего уголовного законодательства на защиту государственных интересов и предупреждение конфликтов с государством [4, с. 155, 156].

Советские законодатели отказались также от идеи обособления соответствующих норм в структурном подразделении кодифицированного акта. Это был путь расформирования института. Например, в УК РСФСР 1960 г. были закреплены составы клеветы (ст. 130) и оскорбления (ст. 131) в главе третьей «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В статье 131 в дефини-

ции оскорбления появился термин «честь», но это не соответствовало наименованию главы третьей. Оскорблением признавалось умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме.

Ожидалось, что в постсоветский период в соответствии с политическим гарантированием либерально-демократических ценностей должны усиливаться гарантии всех личных прав, прежде всего права на защиту чести и достоинства. Однако этого не случилось.

В УК РФ, принятом в 1996 г., произошла легализация понятия «преступления против чести и достоинства» – в названии гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», но сохранилось объединение преступлений против чести и достоинства с преступлениями против свободы личности в одной главе. При этом если в составе оскорбления объект определялся в виде чести и достоинства (ст. 130 УК РФ), то в составе клеветы в один объект были связаны честь, достоинство и репутация. Согласно ч. 1 ст. 129 УК РФ, клеветой признавалось распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Многие исследователи критически отнеслись к этой новелле. Мы же считаем, что последнее законодательное решение было обоснованным и полезным, поскольку обуславливало расширение пределов защиты личности от этого преступления. Понятия «честь», «достоинство», «репутация» являются сложными с этическим, социальным и правовым уровнями понимания. Явно они объединяются именно на правовом уровне – в значении естественного личного права, которое есть у человека независимо от недоброжелательных, тем более ложных, оценок. Соответственно, для целей уголовного законодательства неразделимы самоуважение (достоинство) человека и его ожидания уважительного к себе отношения со стороны других людей и государства (честь), в том числе в связи с его профессиональной деятельностью и социальными практиками (репутация).

Совершенно неожиданно Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ из УК РФ были исключены статьи 129 и 130. Тем же Законом новой статьей 5.61 об оскорблении был дополнен Кодекс РФ об административных правонарушениях. Решение об административной ответственности за клевету состоялось позже; соответствующая статья 5.61.1 появилась в Кодексе РФ об административных правонарушениях в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 513-ФЗ. Поскольку механизм административно-правового регулирования не нацелен на учет волеизъявления потерпевших от посягательства, новые законодательные решения побуждали граждан более активно пользоваться иным – гражданско-правовым – способом защиты чести и достоинства. Ранее в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и

достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъяснялось, что отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 129 УК (в настоящее время – ст. 128¹ УК РФ), прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства (п. 6).

Законодательные новеллы о признании оскорбления и клеветы административными правонарушениями получают в основном отрицательные отзывы. Научные исследователи пишут о законодательной девальвации, обесценивании таких прав личности, как честь и достоинство, что ведет к ослаблению государственной защиты конституционных прав личности, принижению чести и достоинства личности как охраняемых законом ценностей [6]. С позиции уголовного процесса отмечается необоснованное усиление публичных начал вместо частного обвинения, поскольку административное производство предполагает минимальный учет интересов личности как при его возбуждении, так и окончании [7, с. 180].

Законодатели вновь пересмотрели свою позицию, но только по вопросу о криминализации клеветы. Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ в УК РФ введена ст. 128¹, в которой полностью повторились диспозиции ранее исключенной ст. 129. Одновременно с этим в Кодексе РФ об административных правонарушениях остался аналогичный общий состав клеветы, что внесло новую неурядицу в законодательство, и никому не ясно, как разграничивать основные составы уголовно наказуемой и административно наказуемой клеветы, почему за клевету предусмотрено административное наказание только в отношении юридических лиц, в отличие от оскорбления.

Пределы криминализации клеветы вновь изменились в 2020 г. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ установил повышенную ответственность за совершение деяния в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ). В последнем случае, видимо, имеется в виду распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство представителей определенной социальной группы. Однако соответствующие действия запрещены в других главах УК РФ, охватываются составами, предусмотренными ст. 148, 282 и др., при этом дополнительной квалификации по ст. 128¹ УК РФ не требуется.

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ также усилил санкции ст. 128¹ УК РФ за квалифицированные и особо квалифицированные виды преступления, соответственно, до 2 лет лишения свободы в ч. 2, до 3 лет лишения свободы в ч. 3, до 4 лет лишения свободы в ч. 4, до 5 лет лишения свободы в ч. 5.

Можно предположить, что в институте уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство личности отражается конфликт

ультрарепрессивного и ультралиберального подходов. Сторонники последнего подхода отстаивают идеи декриминализации и депенализации посягательств на честь и достоинство, заверяя, что уголовная ответственность может быть результативно замещена административной и (или) гражданско-правовой ответственностью. Наоборот, последователи ультрарепрессивной идеи говорят об эффективности сочетания криминализации посягательств на честь и достоинство и значительного усиления уголовного наказания за них с акцентом на лишение свободы. И те и другие не учитывают исторические предпосылки и не определяют перспективы развития в целом этого уголовно-правового института. Внимание сосредоточено на судьбе одной нормы – об уголовной ответственности за клевету. Объяснением этому может быть придаваемое политико-идеологическое значение задаче уголовно-правовой охраны чести и достоинства, когда она рассматривается во взаимосвязи с другой задачей – защиты права на свободу слова.

Например, С. И. Луценко, аналитик Института экономических стратегий Отделения общественных наук Российской академии наук, озвучил позицию о конкуренции права на свободу слова и права на неприкосновенность достоинства личности и частной жизни, а также на защиту чести и доброго имени с признанием приоритета свободы выражения мнения. Основываясь на данной идее, а также допустив, что клевета имеет характер субъективного оценочного суждения, истинность которого доказать нельзя, автор признает правильной декриминализацию клеветы [8, с. 173].

С. И. Луценко пишет: «Степень обоснованности уголовного обвинения по клевете компетентным судом едва ли может сравниться с той, которой должен придерживаться журналист (автор статьи) при выражении своего мнения по вопросу, представляющему общественный интерес, поскольку критерии, применяемые при оценке чьих-либо мнений (в том числе политических) в плане морали, существенно отличаются от тех, которые требуются для установления факта преступления по уголовному праву. (...) особенности данного понятия (*клеветы*. – Т. К.) ближе к вопросу о защите чести, достоинства, который, в свою очередь, носит гражданский, а не уголовный характер» [8, с. 177]. При обосновании этого положения С.И. Луценко ссылается на принцип «повышенной терпимости публичных лиц», подтверждаемый международной практикой, которая, по его оценке, направлена на декриминализацию клеветы. Так, он напоминает о Рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1814 (2007) «На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию», в которой поставлена задача, чтобы Комитет Министров Совета Европы заставил все государства-члены пересмотреть свои законы о диффамации и привести их в соответствие с правоприменительной практикой Европейского Суда по правам человека с целью устранения какого-либо риска злоупотреблений или необоснован-

ного привлечения к уголовной ответственности. Еще С. И. Луценко цитирует положения доклада специального докладчика Совету ООН по правам человека о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение: «Ввиду уникальных особенностей Интернета нормы и ограничения, которые могут считаться законными и соразмерными применительно к традиционным средствам массовой информации, часто не являются таковыми применительно к Интернету. При распространении сведений, порочащих репутацию лица, с учетом возможности потерпевшего осуществить свое право на немедленный ответ для устранения причиненного вреда виды санкций, которые применяются при клевете без использования Интернета, могут оказаться ненужными или несоразмерными» [8, с. 176].

Заметим, все же о международной практике в отношении декриминализации преступлений нельзя судить по рекомендациям Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Комитета Министров Совета Европы и других международных органов и организаций. Более доказательно в этом отношении состояние национального уголовного законодательства. Интересно, что, несмотря на известные инициативы в рамках Европейского союза и Совета Европы о дополнительном гарантировании права на свободу слова путем полной или частичной декриминализации клеветы, лидер этих организаций – Германия – придерживается консервативных позиций о клевете в своем национальном уголовном законодательстве. В § 187 Уголовного уложения ФРГ предписано: «Тот, кто в отношении другого лица утверждает или распространяет заведомо ложный факт, способный вызвать неуважение к этому лицу или унижить его в общественном мнении или создать угрозу для доверия в его кредитоспособность, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет или денежным штрафом, а если деяние совершено публично, на собрании или посредством распространения материала, – лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом». Аналогично до пяти лет лишения свободы наказывается клевета в отношении политических деятелей (абз. 2 § 188 Уголовного уложения ФРГ). Причем это новые редакции закона, в них признак состава клеветы – «распространение материала» – использован вместо устаревшего понятия – «письменные материалы» – в соответствии с современным состоянием технического развития в области сохранения, накопления и передачи информации и на основании ст. 1 Шестидесятого закона о внесении изменений в Уголовное уложение ФРГ от 30 ноября 2020 г. [9, с. 81, 305–310].

Нельзя не признать, что в немецком уголовном праве нормы об уголовной ответственности за посягательства на честь и достоинство объединены в устойчивый и сбалансированный институт. Это нормы об уголовной ответственности за оскорбление, сплетню, клевету, сплетню и клевету в отношении политических деятелей, осквернение памяти умершего, а также нормы об особенностях

наказания, освобождения от него и доказательстве истинности утверждаемых или распространяемых фактов (§ 185–190, 192–194, 199 и 200), которые объединены в отдельный четырнадцатый раздел «Оскорбление» Уголовного уложения ФРГ.

В современной России вопрос об уголовной ответственности за клевету решается не с позиции комплексного или системного правового регулирования и не на основе ценности нравственной личности и ее чести и личного достоинства, а с политической мотивацией. Депутат Государственной думы Д. Ф. Вяткин, инициировавший проект № 1074945-7, составивший основу Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ, видимо, будучи сторонником ультрарепрессивного подхода в отношении этого преступления, тоже учитывает политический ресурс уголовно-правовой нормы об ответственности за клевету в большей степени, чем для защиты чести и достоинства личности, раз во внесенном им в Государственную думу законопроекте предложил признавать потерпевшими при клевете индивидуально не определенных лиц. Движение этого законопроекта в декабре 2020 г. было беспрепятственным: он внесен в Государственную думу 14 декабря и принят в первом чтении 22 декабря, 23 декабря – во втором и третьем чтениях, 25 декабря одобрен Советом Федерации, а 30 декабря подписан Президентом РФ. В пояснительной записке к этому законопроекту сказано, что он разработан «в целях совершенствования правового регулирования вопросов уголовной ответственности за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (клевета)» [10]. Однако ни в пояснительной записке, ни при обсуждении законопроекта не были названы ожидаемые результаты нововведений, не представлены криминологическое обоснование и прогноз динамики преступности, что подтверждает не правовую, а политическую мотивированность Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ.

Д. Ф. Вяткин, подобно другим сторонникам репрессивного подхода, считает лишение свободы эффективным наказанием за клевету, хотя потерпевшие в первую очередь ожидают в суде защиту своих чести и достоинства путем восстановления истины и государственного порицания виновного. Порицание усиливается наказанием, но не сводится к нему. Для потерпевших важно, чтобы случившееся было названо преступлением и виновный от имени государства осужден, если уклоняется от извинения. Ни в административном, ни в гражданском процессе эти задачи не могут быть решены.

Инициативы об усилении уголовного наказания за клевету не опираются на реальную судебную практику. Статья 128¹ УК РФ применяется редко, при этом имеет рекордные показатели оправдательных приговоров и прекращенных уголовных дел. В соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ за это преступление в 2019 г. были осуждены всего 83 человека,

в 2020 г. – 84. Чаще всего к уголовной ответственности привлекались лица, совершившие клевету без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 128¹ УК РФ). Всего по ч. 1 ст. 128¹ УК РФ были осуждены в 2019 г. 64 человека (77,1 % от общего числа осужденных по ст. 128¹ УК РФ), в 2020 г. – 56 (66,7 %); по ч. 2 ст. 128¹ УК РФ были осуждены в 2019 г. 7 человек (8,4 %), в 2020 г. – 14 (16,7 %); по ч. 4 ст. 128¹ УК РФ были осуждены в 2019 г. 9 человек (10,8 %), в 2020 г. – 11 (13,1 %); и по три человека (3,6 %) понесли ответственность за деяние, предусмотренное ч. 5 ст. 128¹ УК РФ. При этом в 2019 г. 505 человек были оправданы и в отношении 333 лиц уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием события или состава клеветы, или в связи с непричастностью к этому преступлению; в 2020 г., соответственно, 352 и 234 [11].

При такой статистике судимостей представляется нерациональным расширять круг квалифицированных и особо квалифицированных составов клеветы и усиливать уголовное наказание с повышением верхних пределов санкций.

Вместе с тем статистические данные о крупном преобладании оправдательных приговоров и прекращенных уголовных дел в связи с отсутствием события или состава клеветы, или в связи с непричастностью к преступлению подтверждают, что ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве в настоящее время не созданы достаточные гарантии личного права на защиту чести и достоинства. Потерпевшего обязывают самого доказывать ложность сведений, сообщенных клеветником, у последнего же нет обязанности доказывать истинность своих утверждений, как результат – вместо примирения в суде разжигаются конфликтные отношения. Как если бы обиженным был не тот, кому причинен вред, а преступник.

Можно заключить, что в соответствии с Конституцией РФ защита чести и достоинства личности – это обязанность государства. Если человек, считающий себя обиженным, видит возможность защиты своих чести и достоинства в рамках уголовного дела, государство должно обеспечить правосудие. При этом не обиженный должен представлять доказательства ложности сведений, порочащих его честь и достоинство или подрывающих его репутацию, а, напротив, человек, в отношении которого возбуждено уголовное дело, должен доказывать истинность распространенной им информации. Такой подход соответствует охранительной цели уголовного права и позволяет гарантировать право любого человека, пострадавшего от клеветы или оскорбления, на достижение истины и государственное порицание виновного.

Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности должна осуществляться на основе равенства всех перед законом и судом. Необходимо преодолеть перекос действующего российского уголовного законодательства, направленного в основном на защиту чести и достоинства представителей отдельных социальных групп и государственных органов и должностных

лиц, то есть в связи с социальными принадлежностями. Основными средствами гарантирования права любого человека на уголовно-правовую защиту чести и достоинства являются общие нормы об уголовной ответственности за клевету и оскорбление. Выделение специальных уголовно-правовых норм имеет пределы и рекомендуется, только когда нужно дифференцировать уголовную ответственность с учетом изменения общественной опасности посягательства. По логике развития самостоятельного института уголовного права общие и специальные нормы о клевете и оскорблении должны быть закреплены в

отдельной главе Особенной части кодекса [12, с. 99–101].

Необходимо восстанавливать институт уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства на основе ценности нравственной личности и ее чести и личного достоинства. В. М. Баранов и Р. А. Ромашов верно заключают: «Человек не будет “обесчеловечиваться”, если два доминирующих центра – государство и право – сосредоточат свои усилия на возвышении достоинства человека». В.М. Баранов и Р.А. Ромашов называют это осью вращения «достоинство человека – демократический правопорядок» [13, с. 19].

Библиографический список

1. Жук М. С. Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение-Юг, 2010. 166 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19834615>.
2. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 2 / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. 680 с. URL: https://aldebaran.ru/author/avtorov_kollektiv/kniga_polnyiye_kurs_ugolovnoye_pravo_tom_ii_pr.
3. Есипов В. В. Уголовное Уложение 1903 года, его характер и содержание. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209170>.
4. Кленова Т. В. Путь института уголовной ответственности за преступления против чести и достоинства личности // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 150–161.
5. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: издание 1885 г. с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Сената / издан Н. С. Таганцевым. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1904. 535 с. URL: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/20561?mode=full>.
6. Овчинский В. С. Уголовное цунами. URL: <http://www.odnako.org/magazine/material/ugolovnoe-cunami>.
7. Епихин А. Ю. Судопроизводство по делам частного обвинения: последствия декриминализации клеветы и оскорбления // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 179–182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudoproizvodstvo-po-delam-chastnogo-obviniya-posledstviya-dekriminalizatsii-klevety-i-oskorbleniya/viewer>.
8. Луценко С. И. Клевета – категория оценочных суждений // Государство и право. 2019. № 7. С. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690005891-2>.
9. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam. DOI: <http://doi.org/10.25932/publishup-47371>.
10. Государственная дума. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7>.
11. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
12. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики. Москва: Проспект, 2017. 256 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29310239>.
13. Баранов В. М., Ромашов Р. А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 10–20.

References

1. Zhuk M. S. *Instituty Rossijskogo ugolovnoye prava: istoriya razvitiya i sovremennoe ponimanie* [Institutes of Russian criminal law: history of development and modern understanding]. Krasnodar: Kubanskii gos. un-t; Prosveshchenie-Yug, 2010, 166 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19834615> [in Russian].
2. *Polnyi kurs ugolovnoye prava: v 5 t. T. 2. Pod red. A. I. Korobeeva* [Korobeev A. I. (Ed.) Complete course of criminal law: in 5 vols. Vol. 2]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2008, 680 p. Available at: https://aldebaran.ru/author/avtorov_kollektiv/kniga_polnyiye_kurs_ugolovnoye_pravo_tom_ii_pr [in Russian].
3. Esipov V. V. *Ugolovnoye Ulozhenie 1903 goda, ego kharakter i sodержanie* [Criminal Code of 1903, its nature and content]. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 1903. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209170> [in Russian].
4. Klenova T. V. *Put' instituta ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya protiv chesti i dostoinstva lichnosti* [The path of the institution of criminal responsibility for crimes against honor and dignity of the individual]. In: *Progress i*

preemstvennost' v rossiiskom ugovnom prave (k 95-letiyu UK RSFSR 1926 g. i 25-letiyu UK RF 1996 g.): materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR in 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996): materials of the All-Russian research and practical conference with international participation]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 150–161 [in Russian].

5. *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami: izdanie 1885 g. s prilozheniem motivov i izvlechenii iz reshenii kassatsionnykh departamentov Senata. Izdan N. S. Tagantsevym* [Tagantsev N. S. Charter on punishments imposed by justices of the peace: edition of 1885 with motives and extracts from the decisions of the Senate cassation departments]. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1904, 535 p. Available at: <https://dspace.spbu.ru/handle/11701/20561?mode=full>.

6. Ovchinsky V. S. *Ugolovnoe tsunami* [Criminal Tsunami]. Available at: <http://www.odnako.org/magazine/material/ugolovnoe-cunami> [in Russian].

7. Epikhin A. Yu. *Sudoproizvodstvo po delam chastnogo obvineniya: posledstviya dekriminalizatsii klevety i oskorbleniya* [Proceedings in cases of private prosecution: the effects of slander and insult decriminalization]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2012, no. 2, pp. 179–182. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudoproizvodstvo-po-delam-chastnogo-obvineniya-posledstviya-dekriminalizatsii-klevety-i-oskorbleniya/viewer> [in Russian].

8. Lutsenko S. I. *Kleveta – kategoriya otsenochnykh suzhdenii* [The defamation – a category of value judgment]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2019, no. 7, pp. 173–178. DOI: <http://doi.org/10.31857/S013207690005891-2> [in Russian].

9. Golovenko P. V. *Ugolovnoe ulozhenie Federativnoi Respubliki Germaniya – Strafgesetzbuch (StGB) – Nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB) – Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Universitätsverlag Potsdam. DOI: <http://doi.org/10.25932/publishup-47371> [in Russian].

10. The State Duma. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7> [in Russian].

11. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> [in Russian].

12. Nurkaeva T. N. *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki* [Criminal legal protection of an individual, his rights and freedoms: issues of theory and practice]. Moscow: Prospekt, 2017, 256 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29310239> [in Russian].

13. Baranov V. M., Romashov R. A. *Dostoinstvo (chest') cheloveka v fokuse zlo-upotrebleniya pravom (doktrina, praktika, tekhnika)* [Human dignity (honor) in the aspect of abuse of right (doctrine, practice, technique)]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1 (49), pp. 10–20. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-1-10-20> [in Russian].